

К Н И Г И
Э.-Э. Шмитта

Секта Эгоистов. Распутник
Евангелие от Пилата
Другая судьба
Как я был
произведением искусства
Улисс из Багдада
Женщина в зеркале
Попугаи с площади Ареццо
Эликсир любви
Яд любви
Оскар и Розовая Дама
Мсье Ибрагим и цветы Корана
Дети Ноя
Борец сумо, который
никак не мог потолстеть
Десять детей, которых не было
у госпожи Минг
Одетта. Восемь историй о любви
Мечтательница из Остенде
Концерт «Памяти ангела»
Два господина из Брюсселя
Кики ван Бетховен
Театр
Ночь огня
Человек, который видел
сквозь лица

Эрик-Эмманюэль Шмитт

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ СКВОЗЬ ЛИЦА

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
III 73

Éric-Emmanuel Schmitt
L'HOMME QUI VOYAIT À TRAVERS LES VISAGES
Copyright © Éditions Albin Michel, S.A. — Paris 2016

Перевод с французского Ирины Волевич

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-12425-7

© И. Волевич, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017
Издательство АЗБУКА®

1

— Дрыхнешь?!

Я хотел бы выкрикнуть «нет!» этому голосу, но предпочитаю смолчать и не размыкать век. Стоит произнести хоть одно слово, как оно вырвет меня из моего волшебного сна.

Я стою на лужайке, обрызганной солнечными зайчиками; старик с белоснежной бородой протягивает мне цветок ириса и указывает на коня. К великому своему удивлению, я вскакиваю на его бурую спину — а я и не знал, что могу ездить на лошади без седла; да что там — не знал даже, что я вообще умею ездить верхом; и, вскочив, обещаю старцу исполнить возложенное на меня поручение. Он отвечает мне улыбкой, и из его тонкогубого рта вырываются на волю звонкие птичьи трели. Сверкает солнце.

— Он что, и вправду дрыхнет?

Я выжидаю несколько секунд. Если эта пауза продлится, я смогу достичь своей цели — домчаться до замка. Напрягшись, крепко сжав поводья, чувствую, как парю между двумя мирами — реальным, где мои колени стиснули горячие лошадиные бока, и другим, абстрактным, где посмел ненадолго закрыть глаза и отключить слух. Друид, стоящий передо мной, склоняет голову к плечу: он недоволен, что я все еще топчусь на месте.

Ох, как меня сковывает, как парализует этот голос — и ведь ни за что не оставит в покое, а вышвырнет вон из моих грез!

К счастью, тишина еще длится... И я с облегчением снова окунаюсь в покой того мира, где мой скакун во весь опор несется через лес. Я наслаждаюсь его скоростью, его легкостью, грацией, с которой он огибает препятствия, перемахивает через лужи и опускает голову, чтобы не задеть ветви. Его копыта уже не касаются земли.

— Ты спишь, мой миленький? — шепчет неожиданно смягчившийся голос.

Меня пронизывает горячая дрожь. Кажется, я его узнаю — этот голос. На небосводе, высоко над кронами деревьев, возникает лицо моей матери, огромное, нежное, сияющее, доброе. Она ободряет меня. Побуждает скакать еще быстрее. О счастье... На всем протяжении этой скачки я чувствую ее ласковое присутствие.

— А ну, вставай, кретин!

Удар в плечо. Я шатаюсь. Теряю равновесие.

В первом мире я рухнул с лошади, во втором — упал со стула.

Упал — и валяюсь, одуревший, разбитый, с горькой слюной во рту и саднящей болью в ушибленном боку.

Поневоле размыкаю веки. Прощай, лес, прощай, дорога и мой горячий конь! Я прихожу в себя посреди тесного закутка, который мне выделили в редакции «Завтра» — ежедневной газеты Шарлеруа¹. Мать исчезла — что неудивительно, ведь она умерла при моем рождении, — и вместо ее лица я вижу багровую рожу на-

---

¹ *Шарлеруа* — город в валлонской части Бельгии, на реке Самбр, в 50 км южнее Брюсселя. (Здесь и далее — примеч. перев.)

шего шефа Филибера Пегара. Грузный, толстобрюхий, полнокровный, разъяренный, как бык, он грозно вращает глазами, испепеляя меня презрительным, бессмысленным взглядом.

— Огюстен, тебе здесь платят не за то, чтоб ты дрых на работе!

Вставая на ноги, я собираюсь ему напомнить, что работа стажера в его газете никак не оплачивается, но робость мешает мне возразить, хотя меня так и распирает от возмущения. И я трусливо иду на попятную:

— Простите меня, месье Пегар.

Из соседних отсеков доносятся смешки.

Патрон брезгливо фыркает и отводит взгляд, так же как и коллеги, издали наслаждавшиеся этой сценой. Я всем внушаю отвращение.

Вконец подавленный общей неприязнью, опрокидываю стул, пытаюсь на него сесть.

— О, пардон... пардон...

Ну вот, теперь я извиняюсь перед стулом... час от часу не легче.

У меня жалкая внешность, и я это знаю... Скорее длинновязый, чем высокий, я не могу похвастаться своим телом — оно больше напоминает стебель, хилый стебель, клонящийся под тяжестью головы с шишковатым затылком и вытянутой вперед шеей; все это уподобляет мою тощую фигуру вешалке. Даже стоя прямо, я кажусь пониженным. Мою худобу никак нельзя назвать хрупкостью: когда я обнажаю руки, видны одни только жилы и никаких мускулов; в бассейне (еще одна пыточная камера, которую я стараюсь обходить стороной) демонстрирую сплошные впадины в тех местах — на груди, на ягодицах, — где нормальные люди выставляют на показ рельефные выпуклости; снимая носки, открываю

две худущие стопы, на которых легко пересчитать все косточки. Что же касается красок, то моей наготе присущ один-единственный цвет — блекло-бежевый: блеклая кожа, блеклая шевелюра, блеклые глаза, блеклая растительность на теле. Лежа на песке, я становлюсь невидимым. Незаметность гарантирована!

И хотя я уделяю своей внешности мало времени, иногда мне все же случается искать в зеркале то, что могло бы хоть кому-то понравиться; увы, всякий раз какое-нибудь непредвиденное обстоятельство мешает достижению результата.

Инспектор социальной службы, с которой мне приходится регулярно общаться, утверждает, что я себя не люблю. Это не так... Я склонен высоко оценивать собственную персону, это окружающих от меня тошнит! Моя незначительность бросается в глаза: она стесняет людей, раздражает, даже злит, а жалкая внешность побуждает их к самым нелюбезным комментариям. И тщетно я жмусь к стенке, надеясь сделаться невидимым, — меня замечают, пристально разглядывают, а потом презрительно сплевывают, бросая мне в лицо оскорбления. «Такая физиономия прямо-таки просит затрешины!» — буркнул однажды приютский воспитатель, когда мне было шестнадцать лет. И теперь, когда мне уже двадцать пять, я с горечью констатирую, что это определение не утратило силы.

По причине, так и оставшейся для меня непостижимой, люди вменяют мне в вину мою незавидную внешность и упрекают в том, что я мозолю им глаза своей жалкой фигурой. Я был и остаюсь жертвой, которую обвиняют, которая не вызывает ни малейшего сочувствия. Уж лучше бы мне страдать настоящим, физическим увечьем: слепой, парализованный, однорукий, я, навер-

но, хоть изредка внушал бы какое-то уважение... Иногда мне кажется, что окружающие угадывают и мою трусость...

— Ну, так как же, Огюстен, в чем ты пытаешься нас убедить? В том, что ты, юный стажер с неумеренными амбициями, переполнен гениальными идеями, а? Надеюсь, ты не думаешь, что взят сюда на работу для того, чтоб сладко подремывать в тепле, а ведь я уже в третий раз застаю тебя на месте преступления!

В трубном гласе Филибера Пегара звучит обличительный пафос; он уверен, что я не отреагирую. Я-то знаю, какую ловушку он мне расставляет. Вопрос в том, попадусь ли я в нее. Это привело бы его в восторг.

Видя, что я молчу, он приходит в веселое расположение духа. На самом деле если он разочарован во мне, то вполне очарован самим собой.

— Я тут подумал об интервью...

Пегар даже подпрыгнул, так его поразило, что я осмелился подать голос.

— Что-о-о?

— Мы могли бы брать интервью у представителей местных властей, узнавать их мнение о событиях в мире, о кризисе, о нестабильности, о...

— МЫ?

— Ну, я имею в виду — газета.

— Уж не ты ли?!

— А почему нет...

Я даже побледнел, испугавшись собственной отваги. Директор громогласно вызывает к журналистам:

— Бойтесь за свои места, друзья мои: наш малек-стажер вознамерился интервьюировать сильных мира сего! Скоро вам придется работать в ежедневной газете международного масштаба, не имеющей ничего общего

с нынешним жалким изданием, которое позволяет вам зарабатывать на хлеб насущный; но, скорее всего, вам грозит безработица, ибо месье Огюстен Тролье один заменит всех вас!

Наш директор величает этим «месье» только тех, кого хочет размазать по стенке.

— Ну-с, и кого же Ваше Наглейшество желает интервьюировать? Давай-ка, покажи свой списочек, разреши нам попользоваться твоими адресами! Кто там у тебя первый? Папа римский? Король обеих сторон Луны? А может, реанимируешь де Голля, Ганди или Чингисхана? Да ты никогда в жизни и рядом не стоял с какой-нибудь важной персоной, жалкий червяк!

И он, грозно хмурясь, мерит меня презрительным взглядом.

Я открываю рот, чтобы возразить, но из него не вырывается ни единого звука. И съеживаюсь, как сдутый воздушный шарик. Оконное стекло напротив безжалостно отражает мое лицо, на котором написана глупая беспомощность. Все споры неизменно разворачиваются по одинаковому сценарию: когда меня оскорбляют, я делаю глубокий вдох, задерживаю воздух в легких и... прикусываю язык, так и не подыскав нужных слов. Физически все у меня в порядке, а вот в интеллектуальном отношении я какой-то заторможенный. Образно выражаясь, лук у меня есть, а вот стрел не хватает.

Босс, раздраженный вконец, рычит:

— А ну, давай на улицу!

Коллеги тут же перестают на нас пялиться и, пригнувшись, погружаются в работу: кто уставился на монитор, кто строчит статью, кто роется в папках; они уже хлебнули этого унижения — уличного репортерства — и боятся, как бы приказ Пегара рикошетом не обрушился на них.

— На улице я полный ноль.

— Да ты всюду полный ноль! Давай, быстро вали на тротуар! Неси все, что найдешь в сточной канаве. Можешь хотя бы собирать мусор — или тоже нет?

Подчиниться. И быстренько отправиться выполнять приказ, пока он не успел придумать чего-нибудь покруче. Натягивая плащ, вязаную шапку и шерстяные перчатки, я все же собираюсь объяснить ему, почему я задремал в редакции, почему за последние дни...

Но Пегар уже исчез.

Я беспомощно топчусь на вытертом ковровине. В помещении царит усердная рабочая тишина.

Прохожу по отделам редакции; при моем появлении коллеги срочно погружаются в работу; они все сторонятся меня, словно я заразный больной. Словно я приношу несчастье...

Сворачиваю в боковой коридор, к туалету, с трудом выжимаю несколько подозрительно темных капель из мочевого пузыря, потом останавливаюсь возле редакционной кухоньки. Стою в нерешительности. Сердце бьется как сумасшедшее. Кажется, поблизости никого? А вдруг там завалялось что-нибудь съестное — плитка шоколада, печенье, корка хлеба, конфетка, наконец. Сколько времени я ничего не ел? Обследую полки, раковину — везде пусто. Осторожно приоткрываю дверцу холодильника и обнаруживаю початую банку пива. Почему бы и нет? Пиво все же питательнее простой воды, хотя в моем состоянии и капля алкоголя опасна...

Но тут в банку вцепляется чья-то толстая ручища, вся в кольцах. Уборщица! Она хватает *свою* банку и подносит к широченному рту, прорезающему ее голову без шеи, словно навинченную прямо на туловище. Ее набухшие веки так жирно обмазаны синими тенями, что

ей и мигать трудно. Она залпом осушает банку, прищелкивает языком, вытирает губы и, блаженно вздохнув, рыгает.

Отрыгавшись, она устремляет на меня мутный полупьяный взор, щурясь так, словно разглядывает отдаленный предмет, тогда как я стою в полуметре от нее, щерится, изображая подобие улыбки, а затем, шаркая тапочками, на которые свисают перекрученные чулки, неверной поступью идет в угол, хватая швабру и начинает протирать пол. Судя по тому, как она вцепилась в палку, швабра нужна ей скорее для того, чтобы устоять на ногах, а не для уборки.

Убедившись, что она уже забыла обо мне, я достаю банку из мусорного ведра, куда она ее закинула, и высасываю остатки пива. Горьковатый вкус хмеля оживляет мой высохший язык, горло принимает несколько жалких капель осадка с наслаждением, обратно пропорциональным их количеству. Ах, как бы узнать, где эта чертова Умм Кульсум прячет свои запасы спиртного...

Я впиваюсь глазами в эту «сотрудницу» нашей газеты. Мне иногда удается, сконцентрировав внимание на каком-нибудь человеке, разгадать его секреты. Но, как правило, я к этому опыту не прибегаю: в душе человеческой таится слишком много ужасов, без которых я прекрасно обошелся бы. Однако сегодня я так оголодал, что даже не колеблюсь. И сверлю взглядом жирный загривок уборщицы.

«Где ты прячешь свои запасы пива?» — вопрошает мой мозг, пытаюсь проникнуть в ее мысли.

Тщетно: Умм Кульсум закрыта наглухо.

Никакой информации от нее не поступает.

Все ее квадратное тело, одинаковое что в длину, что в ширину, обтянутое трикотажным платьем с узором

в виде кувшинок, представляет собой непробиваемую скалу. Алкоголь, которым она наливается по самые глаза, держит меня на расстоянии — приближаться к ней так же опасно, как к заполненной помойной яме.

Вновь мысленно задаю ей вопрос о пиве.

Она останавливается, закрывает глаза и, опершись подбородком на ручку швабры, начинает вилять бедрами — наверно, воображает, будто танцует. И мне чудится вокруг нее музыка — томные скрипичные глиссандо, игривое журчание цитр, приглушенное уханье барабанов и какие-то загадочные слова — *Hayart Albi Ma'ak, Fat al-ma'ad...*¹ Наверняка она про себя поет, но, увы, эта монотонная невнятица скрывает от меня ее тайны, превращая их в неприступную крепость.

Умм Кульсум выше меня ростом. Впрочем, она выше всех наших сотрудников, даром что стоит в самом низу социальной лестницы. И хотя убирает она скверно и по телефону отвечает через пень-колоду — а это две единственные ее обязанности, — Пегар никогда ее не бранит; он смиряется с тем, что она оставляет пыль по углам, забывает вытряхивать мусор из корзин, не подходит к телефону и не благодарит рассыльных, — смиряется и молчит.

Месяц назад, едва начав работать в редакции, я стал расспрашивать коллег, откуда эта привилегия и почему Умм Кульсум избавлена от гнева патрона?

— Понятия не имеем, — ответили они. — Если она тебе объяснит, беги к нам, расскажешь.

Сегодня, пристань ко мне с этим вопросом какой-нибудь новичок, я бы огрызнулся точно так же.

---

¹ Сердце мое из-за тебя смутилось; пропало то, что было обещано... (араб.)

А Умм Кульсум осталась тайной — тайной, которую те скудные сведения, что могли бы приподнять над ней завесу, делают ее еще более непроницаемой.

Вообще-то, Умм Кульсум родилась мальчиком и поначалу звалась Робером Пеетерсом. Как-то утром Робер Пеетерс, уже достигший сорокалетнего возраста, сидел за игрой в шашки в каком-то бистро, где радиоприемник голосил во всю мочь песню «Вспомни обо мне!»¹, и вдруг он осознал, что в предыдущей жизни был женщиной, и не абы какой женщиной, а несравненной арабской певицей Умм Кульсум, звездой Востока, соловьем Каира, Бессмертной, той, кого прозвали «четвертой пирамидой»! Потрясенный этим открытием, он преобразился с невиданной быстротой — начал ходить в женских туфлях, носить платья, обматывать голову тюрбаном, затем обратился в ислам и бросил свое ремесло бондаря, сменив его на более женственную профессию. Никто не знает, подвергся ли он операции. И никому даже в голову не придет это проверять, ибо, если не считать апломба, нарядов, вызывающего макияжа и прически, в Умм Кульсум нет ровно ничего женского: могучая фигура водителя-дальнобойщика, волосатые руки, черная щетина, пробивающаяся к вечеру сквозь тональный крем, пивное брюхо и луженая глотка жандарма. Наш спортивный обозреватель, рыжий Лафуин, уверяет, что Умм Кульсум сохранила все атрибуты мужского пола и не колет себе гормоны.

Умм Кульсум царит в редакции газеты «Завтра». Восседавая за высокой стойкой красного дерева, она обводит мутным, но высокомерным взглядом каждого вхо-

---

¹ «Вспомни обо мне» — слова из песни «Озкорини». Исполнительница Умм Кульсум (1904–1975) — знаменитая египетская эстрадная певица.

дящего и выходящего. И все, кто появляется в поле ее зрения, чувствуют себя обязанными приветствовать ее — иными словами, изобразить поклон, на который она никогда не отвечает. Если мы о чем-то просим ее, то неизменно почтительным или даже слегка заискивающим тоном, — впрочем, это «что-то» в присутствии Умм Кульсум мгновенно перестает быть ее обязанностью, превращаясь в милость, которую она либо оказывает, либо нет. Когда звонит телефон, она взирает на него с омерзением и снимает трубку только после пятнадцатого звонка, дабы убедиться, что какому-то наглецу действительно позарез нужна редакция газеты. Ничто не может смутить Умм Кульсум. Когда звонящий слышит в трубке хриплый бас и называет ее «месье», она с царственным спокойствием поправляет его: «Мадам!» Однажды Лафуин ехидно заметил ей:

— Вам, небось, уже надоело объяснять всем и каждому, что вы женщина?

— То же самое было в моей предыдущей жизни.

Интересно, где она живет? И с кем?

Проходя по узкому коридору к выходу, я нечаянно задеваю ее. Она вздрагивает от моего прикосновения, пораженная тем, что какой-то ничтожный смертный нарушил ее мечтательное забытие; оглядывает меня, застыв на месте и в сотый раз пытаюсь вспомнить, кто я такой, потом, убедившись в бесплодности своих усилий, снова начинает возить шваброй по линолеуму.

Как раз у выхода находится кабинет шефа, который оставил дверь открытой. Я притормаживаю: интересно, чем он занимается, когда не орет на нас?

Присев бочком на краешек письменного стола, Филибер Пегар курит сигару, глядя на улицу в окно, обрамленное темными бархатными портьерами. Полагая, что

находится в полном одиночестве, он, вместо того чтобы терзать своих подчиненных, размышляет. Дымок его коричневой сигары безмятежно струится вверх из белого ободка пепла, но шеф не форсирует процесс курения, даже не подносит сигару к губам, а просто держит в руке, позволяя ей тихо тлеть, как будто хочет подольше сохранить ее в целости.

Застыв на месте, я гляжу на эту необычную сцену.

Но, присмотревшись, замечаю, что он смотрит вовсе не в окно, а на маленькую девочку, еле различимую в полумраке, девочку лет семи, с белокурыми косичками, в платице из шотландки. Он улыбается ей, она строит ему кокетливые рожицы.

Кто же это? Ведь в редакцию детей не пускают...

Но тут девочка обнаруживает мое присутствие и радостно машет мне.

Я машинально отвечаю:

— Здравствуй!

Девочка испуганно зажимает рот обеими руками, словно я допустил серьезный промах, и прячется за Пегаром. Тот оборачивается ко мне:

— Какая муха тебя укусила? Чего это ты со мной здороваешься?

— Да я не с вами... я с девочкой...

И я тычу пальцем туда, где скрылась девочка, хотя сейчас не вижу ее. Пегар переспрашивает:

— С девочкой? Что еще за девочка?

— Ну... та. Которая сидела перед вами, а теперь спряталась.

Где же она? Я наклоняюсь то вправо, то влево, делаю шаг вперед, чтобы выяснить, где она притаилась, но она исчезла. Невероятно! Ее нигде нет. Тогда я опускаюсь на четвереньки и заглядываю под стол, за стол, под кресло, раздвигаю портьеры.

— Огюстен, ты рехнулся!

Нет, не могу понять, куда и как она ухитрилась скрыться.

— Но ведь тут была девочка! Лет семи, со светлыми косичками, в клетчатом платье!

Пегар багровеет, его глаза меркнут, руки дрожат.

— Ты шутишь? — бормочет он.

— И не думал! Я только не понимаю, как она могла исчезнуть.

— Как могла исчезнуть?..

Я подхожу ближе, стараясь разгадать этот фокус, но Пегар останавливает меня, схватив за шиворот, он буквально пышет ненавистью. Мне становится жутко: я чувствую, что он готов меня задушить.

— Да как ты... смеешь?!

Он так потрясен, что с трудом выговаривает слова:

— Как ты... смеешь?!

Твердя эту фразу, он приподнимает меня, выволакивает из кабинета и швыряет на пол в вестибюле.

— Ты мне за это заплатишь! Дорого заплатишь!..

Похоже, у него на глазах слезы. Он отворачивается и с грохотом захлопывает за собой дверь, оставив меня валяться на полу.

В замке поворачивается ключ. Слышны удаляющиеся шаги — это Пегар отошел в глубину комнаты, к окну.

И наступает мертвая тишина.

Я так и не уразумел, что же такое произошло, — эта девочка в кабинете, ее таинственное исчезновение, реакция Пегара...

Поднявшись, я кое-как отряхиваюсь. Из кабинета доносятся всхлипы, рыдания. Прикладываю ухо к двери.

Неужели девочка вернулась?

Но звуки становятся слышней, и мне уже ясно, что тяжелое дыхание, всхлипы и стоны, вырывающиеся из

широкой груди, исходят от мужчины; это плачет Пегар, а не та загадочная девочка.

Если он сейчас обнаружит меня, свидетеля его слабости, то прикончит на месте, поэтому я спешно удаляюсь.

Выхожу на бульвар Одан, и меня тут же обдает резкой ледяной сыростью, словно холодным полотенцем по лицу. Дождя нет, но тротуар все равно покрыт блестящей влажной пленкой.

На скамейке сидит, зевая, пьяный. Несколько домохозяек идут домой с покупками. Под аркой топчутся двое подростков в куртках с надвинутыми на глаза капюшонами. Вон там пес потягивается. Еще только одиннадцать часов, в это время зевак почти не бывает. «На улицу!» — приказал Пегар, словно за дверью редакции меня дожидалась возбужденная толпа, переполненная желаниями и амбициями, состоящая из тысяч индивидуумов, что несутся по жизни со скоростью сто километров в час, а в данный момент наперебой выкрикивают новости, одна другой пикантнее, из коих мне предстоит выбрать подлинные перлы, достойные фигурировать на страницах нашей газеты. Увы, Шарлеруа — это вам не Париж, не Лондон и не Нью-Йорк. Наш городок, даже бодрствуя, мирно спит; к обеду он едва продирает глаза, часам к четырем проявляет слабые признаки активности, а в вечерний час пик машины, слипшиеся в пробках, кажется, тяготеют скорее к покою, нежели к движению вперед. Шарлеруа давным-давно находится в состоянии анабиоза, так же как молочно-серые облака и вялые дожди над его крышами.

Я озираюсь. Рядом тяжело взлетает недовольный голубь.

Ну и где же мне почерпнуть информацию?

Самое лучшее было бы войти в какое-нибудь быстро, присесть на табурет у стойки и, попивая из бокала, слушать, как бармен и посетители обмениваются сплетнями. Но вот беда: эта операция требует, чтобы я пожертвовал на нее хоть несколько евро. А мои карманы пригорбно пусты. Да и не только карманы — желудок тоже.

Тротуар неожиданно кончается, а я этого не заметил. Подворачиваю ногу.

И падаю.

Эх, вот бы потерять сейчас сознание! И чтобы врачи скорой помощи привели меня в чувство и доставили в больницу, где мне дадут сэндвич, тарелку супа, компот...

Растираю лодыжку. Какая неудача — мне всего лишь больно. Но боль пройдет. И гораздо быстрее, чем чувство голода.

Наконец выпрямляюсь. Невдалеке от меня, метрах в двадцати, элегантно одетая женщина вынимает из корзинки яблоко и надкусывает его. В это время у нее жужжит мобильник. Она кладет свой «голден» на краешек скамейки, чтобы ответить на звонок.

Может, воспользоваться тем, что женщина отвлеклась, и стащить яблоко?

«Огюстен, сдержись!»

Моя порядочность предпочитает позору голод.

«Лучше иди и охоться за новостями. И принеси эти news в редакцию. Иначе...»

Но низменная сторона моей натуры тут же вступает в пререкания с совестью:

«А что тут такого?! В газете мне не платят и за человека не считают. Эта стажировка ни к чему путному не приведет. Лучше уж просить милостыню».

Пожав плечами, я иду по бульвару. Звонят колокола. В церкви на площади Карла Второго началась служба.

Ноги сами ведут меня в этом направлении, ведь там, дальше, находится фастфуд. Конечно, я туда не войду, но мало ли... вдруг кто-нибудь, выходя, бросит в мусорку картофельные чипсы или половину гамбургера. Вчера мне удалось закусить именно таким образом, я не брезгую чужими объедками.

Какой-то мужчина толкает меня на ходу.

Я чуть не шлепнулся, а он даже ничего не заметил.

Требовать извинений бесполезно — мне все равно не под силу драться, так что я просто приваливаюсь к стене и потираю ушибленное плечо.

Мой обидчик ведет себя крайне нервно, внезапно он бросается на другую сторону улицы. Теперь я разглядел его получше: лет двадцать на вид, толстая парка с капюшоном, чересчур просторная для такого худощавого тела, темная грива под вязаной шапкой, густая, коротко подстриженная борода, черные, слегка расширенные зрачки. Он непрерывно вертит головой, беспокойно озираясь.

Станный тип, он меня заинтриговал.

А что это у него сзади, над самым плечом?

Вдруг он останавливается, теребит свои часы. Сейчас мне лучше видна птица, порхающая вокруг него.

Что же это за птица — ворона? Или дрозд?

Я прищуриваюсь, напрягаю взгляд.

Нет, это не птица... вообще непонятно что... какое-то чудо в перьях...

И тут мне кажется, что я схожу с ума. Может, я стал жертвой галлюцинации? Вместо животного я вижу крошечную фигурку человечка в черной джеллабе¹, кото-

---

¹ *Джеллаба* — традиционная берберская одежда, представляющая собой длинный свободный халат с остrokонечным капюшоном и широкими рукавами.

рый разъяренно жестикулирует. Сглотнув слюну, я свирепо тру ладони о шершавую штукатурку, стараясь убедить себя, что это не сон.

Парень на другой стороне улицы вытирает пот со лба, дрожит, явно колеблется, потом решительно поворачивает назад. Человечек над его плечом беснуется, гримасничает, вопит. Я не различаю слов, но мне ясно, что это малюсенькое существо проклиняет молодого человека.

Тот застывает на месте. Выслушивает то, что говорит ему крохотный человечек в желлабе, закрывает глаза, делает глубокий вдох. И наконец кивает. Он уступил. Еще мгновение, и чувствуется, что на него снизошел покой, безграничный покой. Маленькое существо, убедившись в своей победе, перестает злиться, говорит уже ровно и сдержанно, — видно, что оно все больше убеждается в покорности своего собеседника.

Парень явно воспрянул духом, он улыбается и что-то коротко говорит человечку. Все улажено. Они пришли к согласию.

И тут колокола умолкают.

Молодой человек смотрит на часы и снова делает глубокий вдох, видно решившись на что-то; он идет в прежнем направлении широкими шагами. Потом сворачивает за угол.

Я крадусь следом. Конечно, никаких новостей мне это не сулит, но меня крайне интересует загадочное существо, которое преследует парня, летая над ним, подобно воздушному змею, парящему в безветренном небе.

Парень выходит на восьмиугольную площадь Карла Второго. На паперти церкви Святого Христофора толпятся люди в траурной одежде, они только что вышли после заупокойной службы. Следом выносят гроб.

Парень подходит к церкви, поднимается по ступеням туда, где собралась толпа.

Я иду туда же, как вдруг мне на глаза попадаетея нечто интересное: слева я вижу пластиковый контейнер с жареной картошкой, лежащий поверх кучи мусора в урне. Картошка явно еще не остыла, — похоже, ее только что туда бросили.

Ну как тут удержаться?! Я плюю на слезку, хватаю коробочку и целыми горстями запихиваю в рот жареные ломтики, не веря своему счастью: неужели через несколько минут меня перестанет терзать голод?!

Мои зубы жадно впиваются в теплую мякоть. Я оживаю. Или нет еще, я сейчас оживу!

Так... а где же мой парень с его странным летучим спутником?

Обернувшись, я вижу его за фонтаном, в метре от служащих похоронного бюро, которые загружают гроб в черный лимузин.

И вдруг он распахивает свою парку, выкрикивает сорванным голосом какую-то фразу и делает резкое движение.

Раздается взрыв.

Что-то мелькает в воздухе.

Меня подхватывает мощная воздушная волна.

Я взлетаю.

И падаю.

2

— Ну вот, он уже слегка порозовел...

— Значит, приходит в себя...

Я смутно различаю голоса. Но на сей раз не сквозь дремоту — сейчас вокруг меня какая-то черная бездонная пропасть, непроницаемый мрак, где я покоюсь в блаженном забытии.

— Месье!

Мне тепло в этом мраке. Тепло и легко, все стало невесомым — и мое тело, и мои мысли. Освобожденный от того и от другого, я перестал быть самим собой. И это непривычное облегчение мне приятно.

— Да откройте же глаза!

Ну вот, опять...

— Откройте глаза!

В словах, обращенных ко мне, я улавливаю тревогу. Стоит ли реагировать?

— Откройте глаза!

Как, уже?

— Умоляю вас, откройте!

Нужно избавиться от этой панической обстановки, и я принимаюсь за дело, чувствуя, что способен выполнить приказ.

— Пожалуйста, откройте глаза!

— Как ты думаешь, он нас слышит?

Ну конечно же слышу. И конечно, открою глаза. Только потерпите немножко, я сейчас... я постараюсь...

— Месье, сейчас не время сдаваться, соберитесь с силами!

По настойчивости голосов я оцениваю, насколько я слаб. Веки меня не слушаются, они налиты свинцовой тяжестью, горят огнем. Чтобы поднять их, нужна сила штангиста. Делаю глубокий вдох и — хоп! — последнее усилие.

Ура!

Меня заливают дневной свет.

На фоне серого неба вижу два склоненных надо мной лица.

— Прекрасно, месье!

— Браво!

— Как вы себя чувствуете?

Пытаюсь что-то выговорить, но мне мешает сжавшееся, забитое чем-то горло. К горлу подступает рвота.

И у меня хватает сил лишь на подобие слабой гримасы.

Лица благодарят меня ответными широкими улыбками.

— Вам не трудно дышать?

Обеспокоенный этим вопросом, я сосредотачиваюсь на дыхательном процессе — вдыхаю, выдыхаю, медленно повторяю то и другое, мобилизуя бока, грудь и нос так старательно, словно впервые изобретаю дыхание.

— В легких боли не чувствуете?

Мотаю головой.

— А в подвздошь?

Реагирую так же.

На обоих лицах написано облегчение. По-моему, я им угодил. Теперь я уже довольно ясно различаю черты моих спасателей: у паренька круглое полудетское лицо

Шмитт Э.-Э.

Ш 73 Человек, который видел сквозь лица : роман / Эрик-Эмманюэль Шмитт ; пер. с фр. И. Волевич. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 384 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-12425-7

Небольшой бельгийский городок Шарлеруа потрясен кровавым терактом. Взрыв на паперти собора повлек за собой немало жертв. Подозревают, что за ним стоят религиозные фанатики. Огюстен, бездомный юноша, которому удалось получить стажировку в местной газете, оказывается вовлеченным в эти события. Пытаясь доказать свою пригодность к журналистике, он начинает собственное расследование. Незаметный, выросший в приюте паренек наделен уникальным даром — видеть крошечные существа, парящие над людьми. Кто это — ангелы, демоны, воспоминания, быть может, мертвецы, которые не смирились со своей участью?.. Неужто он сходит с ума или, быть может, он и есть тот мудрец, которому дано расшифровать чужое безумие? Эрик-Эмманюэль Шмитт в присущей ему оригинальной манере продолжает свое исследование духовных тайн человека...

Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЭРИК-ЭММАНИЮЭЛЬ ШМИТТ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ
СКВОЗЬ ЛИЦА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Валентина Гончар, Наталья Хуторная

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.04.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 24.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YABA2045801R